

**ЭТО ПРАВДИВАЯ
ИСТОРИЯ**

ГРАНД МАСТЕР

книги для искушенного читателя

**Наше издательство входит в холдинг «Эксмо»
и самостоятельно осуществляет
редакционную политику**

**Наша литература — преимущественно для мужчин:
острый сюжет, интеллектуальный вызов
и напряженный поиск решения**

Читайте:

- дебютный роман Дэвида Болдаччи «Абсолютная власть», который сделал его грандмастером мировой остросюжетной литературы
- роман-продолжение культовой серии об Алексе Дэлавэре — от блистательного Джонатана Келлермана
- «Шестнадцать деревьев Соммы» — от автора мирового бестселлера «Норвежский лес» Ларса Миттинга
- жесточайший триллер «Мерзкие дела на Норт-Гансон-стрит» С. Крэйга Залера, ждущий экранизации от Леонардо Ди Каприо

МИША ГЛЕННИ

МакМафия

СЕРЬЕЗНО ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ

ГРАНД МАСТЕР

Москва 2018

УДК 821.111-4
ББК 4(4Вел)-44
Г53

Гленни, Миша.

Г53 МакМафия. Серьезно организованная преступность / Миша Гленни ; [пер. с англ. В. Панова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 512 с.

ISBN 978-5-04-098903-4

Эта книга легла в основу суперпопулярного сериала МакМафия. Для его экранизации ВВС пригласила лучшего британского постановщика хоррора и ведущих российских актеров: Алексея Серебрякова, Марию Шукшину, Данилу Козловского. Подготовная миллиардных состояний, сколоченных криминальным интернационалом после распада Советского блока: рэкет, заказные убийства, объятия президентов и мафиози...

Кто правит теперь миром? Вы убедитесь, что Великая Криминальная Революция конца прошлого века затронула не только Россию: она достойна именоваться Всемирной.

Миша Гленни, корреспондент ВВС в России и Восточной Европе, в деталях описал невиданный передел собственности на постсоветском пространстве, на Балканах, на Ближнем Востоке, в Америке и Африке. Рискуя жизнью, он расследовал борьбу преступных группировок и формирование мафиозных кланов – от содержания борделей до вхождения в мировую элиту.

Бонус для нашего читателя – групповой портрет российской олигархии на фоне международного криминального бомонда.

УДК 821.111-4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-098903-4

Copyright © Misha Glenny 2008
© Перевод на русский язык.
Владимир Панов, 2010
© Издание на русском языке.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Введение

Был вечер 30 апреля 1994 года, и в городе Уокинг, графство Суррей, уже установилась весна. Район Барнсбери-Эстейт нельзя назвать кварталом менеджеров среднего звена, однако населения с амбициями хватает и в этой части юга Англии. Когда над тихой улицей Уиллоувэй, вдоль которой тянулись домики с террасами, уже сгущались сумерки, автомобили уже стояли в гаражах, а семейства усаживались за ужин и вечерние субботние телепрограммы.

В девять часов вечера из красной «Тойоты», остановившейся возле дома номер 31, вышел мужчина с плоской бело-голубой коробкой в руках, — он направился к двери дома и постучал. В доме была Карен Рид, геофизик тридцати трех лет, зарабатывавшая анализом сейсмологических данных. Она наслаждалась бокалом белого вина и разговором с подругой, когда услышала за окном приглушенный мужской голос: «Пиццу заказывали?» Карен открыла дверь, и в этот миг разносчик пиццы выхватил пистолет тридцать восьмого калибра и хладнокровно выпустил ей в голову несколько пуль. Затем киллер побежал к своей машине, сел в нее и скрылся.

Умереть в тот вечер должна была вовсе не Карен Рид. Дело в том, что убийца перепутал жертву. Его настоящей целью была сестра Карен, Элисон Понтинг, продюсер из Всемирной службы Би-би-си (BBC World Service), которая в то время проживала вместе с Карен. Убийство было совершено по распоряжению Джохара Дудаева, президента Чеченской Республики Ичкерия.

В 1986 году Элисон вышла замуж за обаятельного полноватого армянина, Гачика Тер-Оганисяна, с которым познакомилась несколькими годами раньше, когда изучала в университете русский язык. Этот брак положил начало цепи невероятных событий, восемь лет спустя погрузивших тихий обывательский городок Уокинг в водоворот смертей, империализма, гражданской войны, нефтяных интересов, бандитизма и националистических столкновений, другое название которого — Северный Кавказ.

За восемнадцать месяцев до убийства Карен в Лондон, в качестве эмиссаров президента Дудаева, прибыли братья Руслан и Назарбек Уциевы, перед которыми была поставлена задача напечатать для нового чеченского государства паспорта и денежные купюры. Руслан был доверенным советником неуловимого Дудаева, в чьей раздираемой противоречиями администрации он стоял на консервативных позициях. Его брат был знатоком боевых искусств, а в целом — наемным головорезом. Помимо своей государственной миссии по печати документов для того, что именовалось чеченским государством, братья должны были получить от одного американского бизнесмена кредит в 250 млн долларов — на модернизацию многочисленных чеченских нефтезаводов. Братья хотели провести с немецкой энергетической компанией Stinnes AG переговоры о быстрой продаже чеченской нефти по мировым ценам. Впоследствии следователи установили, что братья Уциевы заодно намеревались приобрести и 2 тыс. переносных зенитно-ракетных комплексов «Стингер».

Для проведения столь трудных переговоров братьям нужен был искусный переводчик и посредник. Руслан припомнил, что когда-то давал интервью продюсеру из Би-би-си Элисон Понтинг, к которой и обратился за помощью. Та предложила услуги своего мужа Тер-Оганисяна, за время пребывания в Лондоне ставшего законченным авантюристом. Он сновал, вертелся и крутился всюду: занимался контрабандой, основывал фиктивные компании для отмы-

вания денег, а когда его непостоянные преступные начинания сходили на нет, брался за черную работу.

Кавказский мачо ухватил быка за рога, начав устраивать бурные вечеринки, куда стайками приходили «девочки по вызову». Неудивительно, что Элисон все больше огорчалась из-за поведения своего мужа и двух чеченцев, равно как и богатые жильцы из дома Бикехолл-Мэншенс, где братья Уциевы подыскивали себе квартиру, — в двух шагах от знаменитого обиталища Шерлока Холмса на Бейкер-стрит, 221-Б в центре Лондона.

Но в какой-то момент отношения между армянином и чеченцами испортились. Впоследствии британская Королевская прокуратура будет утверждать, будто Тер-Оганисян узнал, что «стингеры» предназначались для Азербайджана, который собирался использовать их в войне с его родной Арменией. Была и другая версия — что в действительности «стингеры» предназначались для Чечни, а рассорились братья Уциевы и Тер-Оганисян из-за денег. Но наверняка известно, что Тер-Оганисян «сдал» все мероприятия братьев Уциевых армянскому КГБ, после чего из Лос-Анджелеса, центра армянской диаспоры в США, в Лондон были направлены наемные убийцы.

Братья Уциевы были убиты очень жестоко (тело Руслана было расчленено, и обнаружили его лишь по пути в Харроу, северный пригород Лондона, когда оно вывалилось из мешка). За это убийство Тер-Оганисян отбывает сейчас пожизненное заключение, а его подельник, офицер армянского КГБ, в ожидании суда повесился в тюрьме Белмарш.

В свое время я был в ужасе, когда прочитал эту историю. Однако я был еще более потрясен, когда обнаружил, что отцом Карен и Элисон был Дэвид Понтинг, читавший лекции в Бристольском университете. Его коронным номером был моноспектакль о Дилане Томасе. Я очень хорошо помню это, поскольку именно Дэвид учил меня организации радиопостановок, когда я занимался драмой в аспирантуре.

После убийства Карен Элисон согласилась участвовать в программе защиты свидетелей. Дэвид, лишившись детей,

перебрался в США, где работал актером. Впоследствии он тоже где-то затерялся.

Трудно вообразить себе семью, так мало подходящую на роль мишени для политических убийств мафии из бывшего Советского Союза, чем непритязательные и тихие Понтинги. Однако, как высказался в свое время один из тех, кто расследовал дело братьев Уциевых, «мы внезапно столкнулись с преступностью и политикой из той части света, о которой никто в лондонской полиции и не слышал. Мы не знали об их войнах, преступлениях и политике — мы были в полном вакууме».

Был 1994 год, и Соединенное Королевство навестило государство-изгой.

Миропорядок, сложившийся после Второй мировой войны, в первой половине 1980-х годов стал трещать по швам. Его крушение обходилось без какой-либо очевидной схемы, и даже напротив, приняло форму последовательности внешне не связанных событий. Здесь был и впечатляющий взлет японского автомобилестроения, и тайное обращение венгерских коммунистов в Международный валютный фонд за возможным членством, и стагнация в индийской экономике, и первые негласные встречи президента де Клерка с Нельсоном Манделой, и эпоха реформ Дэн Сяопина в Китае, и решительная конфронтация Маргарет Тэтчер с британским профсоюзным движением.

Будучи взяты по отдельности, эти и прочие события отражают, казалось бы, повседневные политические взлеты и падения; в лучшем случае это были «поправки» к мировому порядку. В действительности же на глубине уже действовали мощные течения, которые породили ряд экономических кризисов и перспектив, в особенности за пределами могущественных центров власти в Западной Европе и Соединенных Штатах.

Впрочем, одно нововведение все же появилось на территории Америки и ее главного европейского союзника — Великобритании. Мир начал делать свои первые шаги к либерализации международных финансовых и товарных

рынков. По следам нефtedолларовой лихорадки, разразившейся в 1973 году, некоторые коммунистические и многие развивающиеся страны стали накапливать огромные долги. По мере того как долги увеличивались, их бремя стало давить на старую протекционистскую систему. Американские и европейские корпорации стали высоко ценить открытые рынки, которые до того времени поддерживали строгий контроль над иностранными инвестициями и конвертацией валют. Старые промышленные отрасли Запада, которые и создали его богатство, сворачивали производство и переносили его в развивающиеся страны, чтобы экономить на заработной плате.

Глобализация, как стали называть эту новую систему, предлагала огромные возможности для расширения торговых и иностранных инвестиций. Однако это относилось не только к легальным рынкам, но также и к нелегальным. Нелегальные товары, пользуясь преимуществами новых торговых путей и все активнее совершенствующихся технологий, можно было перевозить по всему миру быстрее и дальше, точно так же, как и легальные.

Вслед за наступлением глобализации в 1989 году началось падение коммунизма — сперва в Восточной Европе, а затем и в самом СССР со всем его могуществом. Благодаря влиянию идей, недостатку денег и отставанию в гонке за технологическое превосходство коммунизм перестал существовать даже не за несколько лет, а в считанные дни. Это было глобальное событие, которое шло рука об руку с процессом глобализации и привело к тому, что теневая экономика стала расти в геометрической прогрессии. Эти громадные политические и экономические изменения сказались на всех регионах планеты. В некоторых из них, например в Соединенных Штатах, в начале 1990-х годов отмечался резкий рост личных доходов. Южно-Африканская Республика готовилась расстаться с апартеидом, самой презираемой политической системой на планете. Населению Советского Союза, которое семь десятилетий благополучно ограждалось от контактов с Западом, приходилось

приспосабливаться к новой жизни — такой, при которой правительство больше не управляло ими с рождения и до смерти. В Латинской Америке военные режимы с вопиющими нарушениями прав человека были больше не в фаворе, а на их место пришло такое тяжелейшее политическое испытание, как управление непредсказуемым государственным долгом.

В общем и целом, во всем мире отмечался существенный подъем в торговле, инвестициях и накоплении богатств. Богатства, впрочем, распределялись весьма неравномерно. Многочисленные государства обнаружили, что ввергнуты в чистилище под названием «переходный период», границы которого точностью никогда не отличались. В таких «пустошах» экономическое выживание часто выглядело так: взяться за оружие и присвоить все, что можно, чтобы выжить.

Конечно, крах коммунизма стал огромной победой Запада, которая продемонстрировала преимущество демократий мира над коммунистическими диктатурами во всех отношениях. Европа праздновала воссоединение Германии и освобождение множества восточноевропейских стран. Новая Россия, похоже, была только рада расстаться со своим военным господством в Восточной Европе, распустив Варшавский блок, давнего противника НАТО. Затем Москва — сначала неохотно — разрешила остальным народам умирающего Советского Союза образовать собственные независимые государства и тем самым реализовать свои национальные устремления.

После первоначальной эйфории прошло не так много времени, когда в неких темных местах стали возникать первые «подземные толчки», указывавшие на то, что новая эпоха мира и демократии натолкнулась на ряд зарождающихся проблем. С Кавказа, от южной границы России, стали приходить эпизодические сообщения о боевых действиях в некоторых областях региона. В таких африканских странах, как Ангола, где Америка и СССР поддерживали конфликтовавшие стороны как «посредники», войны не

закончились, подобно «холодной войне», а, напротив, только разгорелись. Затем в процессе кровавой гражданской войны распалась Югославия, поставив перед новой и единой Европой проблему, с которой та оказалась совершенно неспособной справиться.

Старые международные организации вставали в тупик перед вновь возникшими обстоятельствами. Всем пришлось импровизировать, и никто не понимал до конца последствий своих действий.

Однако в этом ошарашивающем водовороте изменений, надежд и нестабильности некая группа людей усмотрела реальные возможности. Эти люди — мужчины, а иногда и женщины — инстинктивно осознали: повышение стандартов жизни на Западе, усилившиеся торговые и миграционные потоки и резкое уменьшение во многих государствах возможностей поддерживать порядок в совокупности являются золотой жилой. Эти люди были преступниками, организованными или разрозненными, но они были также неплохими капиталистами и предпринимателями, которые были верны закону спроса и предложения. В этой своей ипостаси они предпочитали экстенсивно развивающиеся экономики — как и международные корпорации — и поэтому искали за рубежом партнеров и рынки, чтобы развивать отрасли-космополиты такого же масштаба, как «Шелл», «Найк» или «Макдоналдс».

Впервые они заявили о себе в России и Восточной Европе, однако свое влияние распространяли и на такие удаленные друг от друга страны, как Индия, Колумбия и Япония.

Впервые я заметил этих людей в начале 90-х годов, когда в качестве центральноевропейского корреспондента Биби-си освещал войны в бывшей Югославии. Добыча, которую вооруженные формирования притаскивали домой после разрушения городов и деревень в Хорватии и Боснии, использовалась как капитал для основания больших преступных империй. Боссы таких синдикатов обогатились быстро. Вскоре они обеспечили себе возможности для

контрабанды, позволявшей доставлять нелегальные товары и услуги со всего мира в потребительский рай Европейского союза.

В качестве автора книг о Балканах я участвовал в многочисленных конференциях, где обсуждались политические проблемы, стоявшие за опустошительными войнами в этом регионе. Вскоре после этого я стал получать приглашения на конференции по вопросам безопасности. Политики, полицейские, общественные организации — все они стремились узнать, на что же опирается огромная власть организованной преступности на Балканах и за их пределами. Однако по большей части знания об этой новой волне преступности носили анекдотический характер. Повседневных ее реалий не знал никто.

Вначале я взялся за рассмотрение связей и мотивов преступных группировок на Балканах, но быстро усвоил: чтобы понять балканскую преступность, мне придется расширить свое исследование, включив в него и другие части мира — регионы, которые производят нелегальные товары, например Россию, Южную Америку, Африку, Индию и Китай, а также регионы, которые их потребляют (Евросоюз, Северная Америка, Япония и Ближний Восток).

Среди многочисленных последствий распада СССР было возникновение обширного «пояса нестабильности», который начинался на Балканах и тянулся вдоль Кавказа, через «-станы» советской Средней Азии к западным регионам Китая и северо-западной границе Пакистана.

То был Новый шелковый путь, многополосное шоссе для преступности, которое связывало этот пояс с другими беспокойными регионами, такими как Афганистан, и позволяло легко и просто переправлять людей, наркотики, наличность, редких животных и ценные сорта дерева из Азии в Европу и дальше, в Соединенные Штаты.

Это образование из нестабильных государств на южной периферии бывшей советской империи зародилось, когда глобализация стала набирать обороты. Западноевропейские и средиземноморские страны оказались мощным маг-

нитом для всех тех, кто стремился захватить власть в любом из регионов Нового шелкового пути. Деньги напрямую превращались в политическую власть, и наоборот. А те, кто лелеял схожие амбиции в несостоятельных государствах, нуждались в Новом шелковом пути для осуществления трех взаимосвязанных транзакций: чтобы переправлять деньги в безопасные западные банки и превращать их в недвижимость, чтобы торговать нелегальными товарами и услугами в Евросоюзе, США и восточнее, в Японии, и чтобы покупать и продавать оружие на территории бывшего СССР и экспортировать его в горячие точки мира.

«В 1993—1994 годах я работал в правоохранительных структурах, зная, что глобализация начинает оказывать влияние на широкий спектр вопросов, — сказал Джон Уинер из администрации Клинтона, выстраивавший стратегию борьбы с организованной преступностью. — Моделью здесь оказался Сальвадор. После войны люди решили использовать имеющееся оружие для добывания денег в составе преступных банд. А затем мы увидели, что боевики правого толка и левые партизаны стали сотрудничать! Кражи со взломом, угон и ограбление машин, похищение людей...»

Уинер натолкнулся на проблему, которая по-прежнему осложняет мирные инициативы, направленные на прекращение войн, захлестнувших несостоятельные государства. Когда дипломатам удается положить военным действиям конец, они сталкиваются с рухнувшей местной экономикой и с обществом, где всем заправляют лопающиеся от тестостерона молодые мужчины, внезапно лишившиеся своего занятия, но привыкшие к собственному всемогуществу. Если вы стремитесь к прочной стабильности, вам придется занять их на полезной работе. В противном случае эти люди поддадутся необоримому искушению и «пройдут переподготовку» в качестве профессиональных преступников. Как утверждал Уинер — в ретроспективе и через призму этой проблемы, — Сальвадор и прочие конфликты 80-х —

это прогулка в парке по сравнению с тем, что припасли 90-е: «Основными источниками дохода в Сальвадоре были не угоны машин и не наркотики. Но если взять Балканы или Кавказ, то основным источником прибылей в обществе и тогда была преступность. Теперь же эта модель изменилась».

Упрочнение взаимосвязей в мире, охваченном глобализацией, только усиливает воздействие таких тяжелых нарушений в международном порядке, как распад Советского Союза. Первые несколько лет после этого события никто не имел даже малейшего понятия о том, какие реальные последствия будет иметь внезапное «впрыскивание» в легальную и теневую экономику огромных прибылей от минеральных ресурсов и преступной деятельности. Те же, кто заметил некоторые изменения в механизмах, управлявших миром, нередко бывали ими озадачены. Что, например, мог знать полицейский, дежурящий в зеленом Уокинге, о междоусобной вражде на Кавказе?

Ученые и исследователи затратили немало усилий, чтобы понять процесс «легальной» глобализации, который по большей части поддается регулированию и измерению. Однако с тех пор, когда началась либерализация международных финансовых и товарных рынков и одновременно рухнул коммунизм, теневая экономика выросла так, что стала составлять значительную часть от мирового объема ВВП. По данным, которые сейчас опровергают и МВФ, и Всемирный банк, и научно-исследовательские институты в Европе и Северной Америке, на ее долю приходится от 17 до 25% мирового товарооборота.

Конечно, сюда входит огромное множество таких прегрешений, как уклонение от уплаты налогов, которые нельзя приписать росту взаимосвязанной мировой преступности. Однако если учесть, что теневая экономика превратилась в нашем мире в такую важную экономическую силу, просто удивительно, почему мы уделяем так мало внимания систематическому изучению того, как она работает и как переплетается с легальной экономикой. Этот темный

мир не так уж отличается от своего легального, видимого прототипа, который сам по себе часто оказывается куда менее прозрачным, чем можно было бы вообразить или пожелать. Как в банковской сфере, так и в торговле товарами криминал действует гораздо более точно и уверенно, чем думается.

Это обширное экономическое пространство — болото с богатой питательной средой, где вызревает масса проблем для безопасности. Международный терроризм, вне всякого сомнения, пасется на тех же угодьях, однако, оценивая вызываемыми им смертями и страданиями, терроризм — хищник примитивный и малозначительный. Последние два десятилетия преступность и погоня за деньгами или политической властью оказываются куда более разрушительными силами. Сосредоточение громадных ресурсов на борьбе с террором и пренебрежение остальными проблемами безопасности является следствием хронических ошибок в управлении и организации, особенно при администрации Джорджа Буша-младшего. Поразительно, что в опросах общественного мнения, проводившихся в Ираке после вторжения, коррупция и преступность вызывали столь же серьезное беспокойство, как и терроризм. И еще долго после победы над терроризмом они будут оказывать свое влияние не только на Ирак, но и на весь Ближний Восток.

Начав с Балкан, которые я хорошо знал, я отправился в путешествие по всему миру, чтобы предать гласности историю невероятного роста организованной преступности и теневой экономики за последние двадцать лет. В своих поездках я встречал обаятельных людей, обладателей огромного ума, жизнелюбия, смелости, остроумия и силы духа. Многие из них были преступниками, некоторые — жертвами, а также политиками, полицейскими или юристами. Почти все они рады были поделиться со мной своими необычными, пугающими и подчас забавными историями. Сама природа моей темы означала, что многие согласятся говорить только анонимно, да и имена часто приходилось